

Наталья Тудаль

Прерванный отпуск

«Литнет»

2025

Тудаль Н.

Прерванный отпуск / Н. Тудаль — «Литнет», 2025

Когда твой идеальный отпуск прерывают недовольные кикиморы, раненый принц и вторжение инквизиторов — пора доставать из сундука не только целебные травы, но и парочку древних заклятий. Эветта Лунденс, могущественная ведьма с чувством юмора острее своего серпа для сбора трав, объявила себе десятилетний релакс. Её план был прост: зачарованный дом, болотные ягоды от кикимор и ноль контактов с человечеством. Но судьба, как всегда, внесла свои коррективы в виде Каэлена — раненого принца с магией уровня ядерного реактора и даром раздражать её с первой секунды.♥#И помните: если ведьма улыбается — бегите. Если смеётся — уже поздно.

© Тудаль Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 51	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 51

Цитадель Парадиза пала почти без боя. Увидев, как их самое страшное оружие — Пожирающая Пустота — рассеивается о сияющий купол, созданный маленькой девочкой, воля защитников была сломлена. Они сложили оружие, глядя на наших солдат с суеверным ужасом. Их вера в Единого треснула, и за этой трещиной зияла лишь пустота.

Мы вошли в город, и меня охватила тошнота. Воздух был густым и сладковато-гнилостным. Каменные стены, высеченные в строгой, бездушной геометрии, казалось, впитывали в себя весь свет. Деревья стояли черными, обугленными скелетами. Земля под ногами была серой и безжизненной, словно пепел.

— Они не просто поклонялись пустоте, — тихо проговорила Ирида, идя рядом со мной. Ее лицо было бледным. — Они впили ее в саму землю. Отравили источник. Это... мерзость.

Кассиан, восседая на коне во главе колонны, с холодным удовлетворением взирал на поверженный город. Его цель была достигнута. Но его взгляд, скользнув по иссохшим полям и умирающим рекам, нахмурился. Завоевать — это одно. Управлять выжженной пустыней — другое.

Именно тогда Аэлина, которую я несла на руках, запротестовала.

— Мама, тут пахнет больно. Я не хочу, чтобы тут пахло больно.

Она выскользнула из моих рук и, прежде чем я успела ее остановить, побежала к ближайшему черному, безлистному дереву. Она прижалась к нему щекой и закрыла глаза.

— Не бойся, — прошептала она. — Сейчас будет лучше.

И снова — без жестов, без слов — по земле от ее маленьких босых ног побежала волна. Но на этот раз это была не защита. Это было... исцеление.

Серый пепел под ее ногами потемнел, насытился влагой. Проклюнулась первая зеленая травинка, затем другая. Черное дерево, к которому она прикоснулась, вздохнуло. Его кора потрескалась, и из трещин полезли свежие, изумрудные побеги. Воздух посвежел, сладковатая вонь отступила, уступая место запаху дождя на траве.

Это было медленно. Не мгновенное чудо, а терпеливое, капля за каплей, возвращение жизни. Волна зелени расходилась от Аэлины, смывая серую болезнь Парадиза. Солдаты, наши и бывшие враги, завороченно смотрели, как земля под их ногами оживает.

Кассиан наблюдал за этим с тем же аналитическим выражением, но теперь в его глазах читалось нечто новое — понимание. Он видел не просто силу. Он видел инструмент. Инструмент не только для войны, но и для созидания.

Пока Аэлина, уставшая, но довольная, возвращалась ко мне, Ирида подошла к Кассиану.

— Ну, великий завоеватель? — произнесла она. — Вы получили свое королевство. Вернее, то, что от него осталось. И, кажется, единственного садовника, способного привести его в порядок.

Кассиан медленно кивнул, его взгляд был прикован к Аэлине.

— Она... исправит это. — Это не был вопрос. Это был приказ самому себе. План.

— Она ребенок, — резко сказала я, подходя ближе. — Не ваш восстанавливающий ресурс.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде не было прежнего высокомерия. Было холодное, императорское признание фактов.

— Она — единственная причина, по которой это место еще можно спасти. И по которой мои солдаты не будут умирать от яда, пропитавшего эту землю. Она будет под защитой. С лучшими врачами, с комфортом...

— Она будет жить как ребенок, — прервала его Ирида. — А не как ваш волшебный садовник. Или мы уходим. И оставляем вас разбираться с вашим новым... владением. — Она обвела рукой оживающий, но все еще больной пейзаж.

Кассиан и Ирида смерили друг друга взглядами — стали против магии. Молчаливый договор был заключен где-то между их взглядами.

— Хорошо, — наконец сказал император. — Она будет жить как принцесса. Но ее дар... он нужен империи. Новой империи.

Мы вошли в Цитадель Парадиза не просто как завоеватели. Мы вошли как те, кто принес с собой не только меч, но и семена. И пока Кассиан отправлялся в Белый Зал, чтобы принять капитуляцию Верховного Инквизитора, я смотрела на свою дочь, которая, устав от магии, уснула у меня на руках. Она не просто изменила ход войны. Она изменила саму землю. И я боялась, что эта ноша окажется для нее слишком тяжелой.

Белый Зал Цитадели был таким же, каким я его себе представляла — стерильным, огромным и леденяще холодным. Ни единого украшения, только геометрически идеальные линии и статуи с завязанными глазами, символизирующие слепую веру. Кассиан восседал на простом стальном троне, который принесли для него, и принимал капитуляцию Верховного Инквизитора. Тот, старый и иссохший, как мумия, безропотно сложил свои полномочия. В его глазах не было ни злобы, ни смирения. Только пустота. Та самая, что они так лелеяли.

Мы с Иридой наблюдали из галереи. Аэлина спала в соседней комнате, охраняемая верными людьми Каэлена. Я не могла отделаться от чувства, что мы поменяли одну клетку на другую, пусть и более позолоченную.

Церемония закончилась. Инквизитора увели. Кассиан поднял голову и встретился со мной взглядом. Его приглашение было не произнесено, но ясно. Мы спустились.

— Земля, — начал он без предисловий, — откликается на нее. Она начала очищаться у ворот. Но город... весь регион... — он сделал паузу, впервые за все время демонстрируя нечто, похожее на беспокойство. — Отчеты моих магов неутешительны. Порча глубоко укоренилась. Без ее помощи восстановление займет столетия. Мы не можем ждать.

— Она не инструмент, Кассиан, — сказала я, чувствуя, как закипает гнев. — Она ребенок. То, что она сделала у ворот, уже истощило ее. Вы видели, как она уснула.

— Я видел, — его голос был твердым. — И я видел, что она проснулась отдохнувшей и здоровой. Ее сила восстанавливается. Мы должны использовать эту возможность. Каждый день промедления — это риск бунта, голода, болезней на отравленной земле.

Ирида, до этого молчавшая, тяжело вздохнула.

— Ты говоришь как типичный правитель, не обремененный знанием цены магии. Ты видишь результат. Ты не видишь стоимости. Эта «порча», как ты ее называешь, — это не грязь, которую можно смыть. Это анти-жизнь. Вычищать ее из земли — все равно что вычищать яд из собственной крови. Это больно. Это опасно. И для ребенка...

— Мы обеспечим ей все условия! — голос Кассиана прозвучал резко. — Лучшие маги-целители будут дежурить рядом. Она будет работать дозированно, под наблюдением.

— Под наблюдением? — я не смогла сдержать смеха. — Чтобы документировать, как ваша новая имперская реликвия постепенно стораet?

Напряжение в зале нарастало. Кассиан сжал ручки трона.

— Есть ли у вас иное решение? — спросил он ледяным тоном. — Или вы предпочитаете наблюдать, как тысячи людей умирают от голода на земле, которую она может исцелить?

В этот момент дверь открылась, и в зал вошел Каэлен. Его лицо было мрачным. Он слышал наш спор.

— Отец, — сказал он тихо, но властно. — Никто не будет принуждать мою дочь к чему бы то ни было. Мы найдем другой способ.

— Другого способа НЕТ! — Кассиан ударил кулаком по подлокотнику трона. Эхо пока-
тилось по стерильному залу. — Или ты, сын, готов взять на себя ответственность за гибель
тысяч из-за твоей... сентиментальности?

Каэлен замер. Он был солдатом. Он понимал логику потерь. Но он также был отцом.

И тут я почувствовала знакомое щекотание магии. Слабое, но настойчивое. Я обернулась.

Аэлина стояла в дверях, потирая глазки. Она была бледной, но ее взгляд был ясным.

— Я слышала шум, — сказала она. — Вы спорите из-за больной земли?

Мы все замерли, глядя на нее.

— Да, солнышко, — тихо сказала я.

Она кивнула, словно это было самое естественное дело в мире.
 — Она зовет меня.
Шепчет. Ей больно. — Она сделала несколько шагов вперед и посмотрела на Кассиана. — Я
помогу ей. Но только если папа будет со мной. И если вы перестанете кричать. От криков у
меня болит голова.

В зале воцарилась гробовая тишина. Пятилетний ребенок только что диктовал условия
Императору.

Кассиан смотрел на нее, и в его глазах бушевала буря. Гнев. Неверие. И... уважение. Он
медленно кивнул.

— Хорошо. Каэлен будет с тобой. И... мы постараемся не кричать.

Аэлина улыбнулась ему своей самой светлой улыбкой.
 — Спасибо, дедушка.

И, развернувшись, она пошла прочь, словно только что утвердила новый протокол сове-
щений.

Мы стояли в ошеломленном молчании. Она все слышала. Она все поняла. И она сама
приняла решение. Не потому, что ее заставили. А потому, что не могла по-другому.

Цена исцеления была велика. Но наша дочь только что показала, что именно она будет
решать, готова ли она ее заплатить. И это было одновременно страшнее и обнадеживающе, чем
любое принуждение.

Глава 1

Если бы кто-то спросил меня, что я думаю о бессмертии, я бы, наверное, вежливо поинтересовалась, не приложить ли ему головой к ближайшему дубу — для вразумления. Бессмертие — это скука высшей пробы. А вот долгожительство... Долгожительство имеет свои прелести. Например, полное право объявить себе десятилетний отпуск после двух с лишним веков решения чужих — всегда чужих — проблем.

«Релакс» — именно так я это называла, растягиваясь в плетеном кресле на крыльце моего дома. Моего дома, которого никто не видел. Не потому, что он был невидим в буквальном смысле, хотя и это тоже. А потому, что он просто не желал быть найденным. Дороги к нему извивались и закручивались в спирали, тропинки вели в сторону, а сам он стоял в сердце леса, за частоколом старых, шепчущих друг с другом дубов, которые были куда надежней любой стены.

Мой дом был живым. Я чувствовала его легкое, сонное покачивание, будто гигантский зверь, пригревшийся на солнце. Стены из вековых бревен дышали, источая аромат смолы, сушеных трав и чего-то неуловимого, вневременного — знания, может быть. Или просто старой пыли. Я склонялась ко второму.

— Нет, милый, полку мы поставим вот здесь, — произнесла я, обращаясь к пустоте в углу комнаты. — Потому что я так хочу. А твое мнение о «нарушении гармонии потоков силы» я выслушала, записала и поместила в папку под названием «Неинтересно».

Легкий шелест, похожий на вздох, пробежал по стенам. Полка для сушеных трав, которую я держала в руках, вдруг стала невесомой и плавно придвинулась к выбранному мной месту, словно ее подхватила невидимая волна.

— Вот и славно. Компромисс — основа любых здоровых отношений. Даже с собственным жилищем.

Мой взгляд скользнул по главной комнате: книги, свитки, склянки, замысловатые инструменты, собранные за века, — все было разбросано с небрежным хаосом, который был высшей формой моего порядка. Здесь царила моя воля, и это было куда приятнее, чем любая имперская корона.

Я вышла в свой сад. Он не был садом в привычном понимании. Здесь не было грядок. Здесь были заросли, где плечом к плечу росли целебный шалфей и ядовитый болиголов, где серебристая полынь обнимала корни волшебного папортника, а грибы-говорушки вели тихие беседы по ночам. Я прошла между ними, и растения тянулись к моему подолу, касаясь меня с почтительным любопытством.

— Не притворяйся, что чахнешь, — бросила я кусту с темно-синими ягодами. — Я же вижу, ты просто ленишься цвести. Солнца тебе хватает. Так что давай, без капризов.

Куст зашевелился, и на его ветвях тут же лопнули несколько тугих почек, выпуская мелкие, душистые цветы. Я кивнула с видом опытного садовода, который знает, как обращаться с капризными питомцами.

Мой день тек медленно и сладко, как густой мед. Я заварила чай из трав, собранных при лунном свете, и устроилась с книгой. Но настоящим наслаждением, кульминацией моего «релакса», было варенье. Не простое варенье, а «Варенье Ностальгии» из болотных ягод кикимор. Тех самых.

И как по заказу, у кромки леса, где тень становилась особенно густой и влажной, зашевелилось что-то. Из сумрака выпорхнули, точнее, вышли, нарушая все законы физики, три маленьких существа в платицах из мха и тины.

— Эви, Эви! — запищали они. — Несем тебе ягодок! Спелых-преспелых!

Я снизошла до улыбки. С кикиморами я позволяла себе быть почти нежной.

— Здравствуйте, мои болотные харитки. Не растеряли ли вы кого-нибудь из сестриц по дороге? Или ваши топи сегодня особенно гостеприимны?

— Ах, Эви, всегда шутишь! — захлопала в ладоши одна из них, Шелёпка. — Мы для тебя самые лучшие собрали! На самом солнечном кочке!

— На кочке, которую Леший на днях пнул от скуки, — уточнила вторая, Бульбочка.

— А мы ему за это в сапог лягушку подсунули! — добавила третья, Цапка, и все три захихикали.

Я взяла корзинку. Ягоды и впрямь были идеальны, каждая — маленькая концентрация дикой, болотной магии.

— Благодарю, — сказала я, и в моем голосе прозвучала неподдельная теплота. — Взамен, как обычно, кладовая открыта. Соль, блестяшки и один (именно один!) медный таз для ваших шалостей. Только чур, не топите в нем в этот раз бедолагу-плотогона. В прошлый раз его крики мне даже сны тревожили.

Кикиморы, визжа от восторга, понеслись к дому, который на мгновение «подобрел» и впустил их.

Я наблюдала за ними, помешивая ложечкой чай. Двести сорок пять лет. Опыт десятков поколений предков, шепчущий в моей крови. Знания, способные перевернуть миры. А счастье оказалось таким простым: тихий дом, живой лес, болотные ягоды и полное, абсолютное отсутствие обязанностей перед кем бы то ни было.

Я глубоко вздохнула, вдыхая аромат хвои, влажной земли и свободы. Десять лет. У меня еще было впереди целых семь лет этой благодати.

И черт меня побери, если я кому-то позволю это прервать, — подумала я с легкой, язвительной ухмылкой, обращенной ко всему миру.

Все было идеально. И, как это часто бывает, именно в такие моменты идеальность начинает давать трещины. Но пока что их не было. Был только покой, сладкий, как варенье из болотных ягод.

Глава 2

Я проснулась от вкуса. Не от звука или света. Именно от вкуса — металлического, едкого, будто я слизала ржавый гвоздь с подгоревшей магией. Он висел в воздухе, невидимый для обычных чувств, но для меня такой же осязаемый, как дым от костра.

«Прекрасно, — подумала я, не открывая глаз. — Или не-пре-красно. Семь лет до конца отпуска, а вселенная уже подкидывает мне первые «сюрпризы»».

Я потянулась, чувствуя, как старые половицы подо мной ласково потрескивают, словно успокаивая. Но дом был напряжен. Я чувствовала и это — легкую дрожь в магических связях, которые опутывали его с фундамента до крыши.

— Я знаю, — проворчала я, наконец вставая. — Не нравится и мне. Но лежать и ждать, пока эта гадость пропитает мои подушки, — не в правилах нашего дома.

Наскоро заварив крепкий чай с полынью — чтобы перебить мерзкий привкус, — я вышла на крыльцо. Утро было по-осеннему ясным и прохладным. Лес стоял в золоте и багрянце, казалось, дышал покоем и умиротворением. Но для моего восприятия он был испещрен ядовитыми нитями. Слабые, едва заметные струйки того самого «ржавого» влияния тянулись с востока, со стороны нейтральных земель, граничащих с Парадизом.

«Ну конечно, откуда же еще, — мысленно фыркнула я. — Фанатики из Культа Единого. Не могут сидеть в своей изоляции, обязательно нужно травить соседей».

Первым делом я проверила границы. Обошла свой часток из дубов, положила ладони на шершавую кору самого старого из них.

— Ну что, дедуля, чувствуешь?

Дуб ответил мне медленным, гулом, полным недовольства. Его корни, уходящие глубоко в землю, пили ту же отраву, что была в воздухе. Не смертельную, нет. Но раздражающую. Как постоянный, назойливый шум.

— Потерпи, — прошептала я. — Разберусь.

След привел меня к ручью. Моя ручей, весело звеневший по камням всего пару дней назад, теперь тек лениво, и его вода, обычно кристально чистая, имела мутноватый оттенок. Я опустила пальцы в струю и тут же отдернула. Не больно, но неприятно — как от слабого удара током. Магия воды боролась с чужеродным вторжением, но проигрывала.

«Экологическая катастрофа местного масштаба, — с горькой иронией констатировала я. — И все ради чего? Чтобы доказать, что их бог един и всемогущ? Как же это по-детски».

Я уже собиралась углубиться в лес, чтобы найти источник, как услышала знакомое шуршание. Из-за папоротника выполз, точнее, просочился из тени, Лесовичок — маленький дух, похожий на корявый сучок с парой блестящих глаз-бусинок.

— Хозяйка... — просипел он. — Скверно... Земля болит... Воздух жжется...

— Я знаю, дружок, — кивнула я, присев на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. — Ты видел, откуда это идет?

Он затрясся всем телом.

— Люди... в железных ящиках... Копали, ставили... Шипит... — Он показал на восток. — У старой сосны... что молния была...

Старая сосна... Я знала это место. Пара часов пешком, если идти обычной тропой. Или несколько минут, если не церемониться с пространством.

— Спасибо, — сказала я и протянула ему крошечную крупинку засахаренной росы. — Иди к своим, предупреди, чтобы не ходили туда.

Лесовичок, схватив лакомство, тут же растворился в воздухе.

Я выпрямилась, смотря в сторону востока. Мое прекрасное настроение испарилось без следа, сменившись холодной, знакомой усталостью. Опыт предков шептал, что это лишь

начало. Что «железные ящики» и «шипящие» штуки — это не просто случайная вылазка. Это система. Это чума, которая медленно, но верно ползет по моему лесу.

«Ну что же, — подумала я, чувствуя, как по телу разливается привычная энергия готовности к бою. — Похоже, релакс приостанавливается. На безвозмездной основе, разумеется. Никто не предложит мне за это ни монет, ни даже приличной бутылки вина».

Я сделала шаг вперед — и пространство вокруг меня сжалось, поплыло. Тропа под ногами сократилась, превратившись в тоннель из света и тени. Я шла, не обходя деревья, а проходя сквозь них, вернее, сквозь складки реальности, что разделяли нас.

Через несколько минут я уже стояла на опушке у старой, обугленной молнией сосны. И видела то, что и ожидала увидеть. На расчищенном пятачке стоял тот самый «железный ящик» — неуклюжий аппарат, похожий на паровозный котел, увешанный странными шестеренками и исписанный рунами Парадиза. От него в землю уходили толстые медные шины, а в воздух поднималась почти невидимая дрожь — та самая, что отравляла мой лес.

Рядом никого не было. Люди, установившие его, уже ушли. Оставили свою заразу работать.

Я подошла ближе, чувствуя, как моя собственная магия вступает в конфликт с излучением аппарата. Он не просто источал яд. Он высасывал силу из земли, из воздуха, перерабатывая живую магию в эту мертвую, «ржавую» субстанцию.

«Какая утонченная гадость, — с холодным восхищением подумала я. — Не просто уничтожить, а осквернить».

Я уже знала, что сделаю. Я протянула руку, концентрируя волю. Мне не нужны были заклинания или ритуалы. Мне было достаточно понять структуру, увидеть слабые места. Молекулярные связи металла под моим взглядом начали вибрировать, терять прочность.

— Знаешь, — сказала я тихо, обращаясь к аппарату, — у меня был план на сегодня. Сварить варенье. А теперь придется заниматься утилизацией чужого хлама.

Железный ящик затрещал, по его поверхности поползли трещины.

— Это сильно меня бесит.

С громким хлопком аппарат рассыпался в кучу ржавой пыли и оплавленного металлолома. Ядовитое излучение прекратилось. Но неприятный привкус во рту остался.

Я стояла и смотрела на восток, за границы королевства, туда, где лежала империя фанатиков.

«Это было только начало, — прошептал во мне голос опыта. — Их будет больше».

И впервые за долгие семь лет я почувствовала не раздражение, а нечто другое. Холодную, безжалостную уверенность. Они посмели потревожить мой покой. Они посмели навредить моему дому.

«Очень, очень плохая идея».

Глава 3

На следующее утро отвратительный привкус ржавчины в воздухе наконец-то рассеялся. Дом дышал ровно и спокойно, а лесные духи, судя по их оживленной переключке за окном, вернулись к своим обычным проказам. Я позволила себе расслабиться — насколько это вообще было возможно после вчерашнего свидания с железным ящиком.

Я уже почти убедила себя, что день пройдет в блаженной тишине, как вдруг до меня донесся знакомый, но всегда неуместный звук — далекий, прерывистый плач. Человеческий. Детский.

Я замерла с пучком мяты в руке. *Опять?*

Легкий шепот предков в крови напомнил мне: конец осени, деревня за лесом собирает последний урожай, дети, оставленные без присмотра, вечно норовят забраться в чащу за «волшебными» шишками или побегать от скуки.

Я тяжело вздохнула, отложив травы. Мой «релакс» определенно кто-то испортил на ритуальном уровне. Сначала железные ящики, а теперь — потеряшки.

«И ведь не бросишь же их там, — с раздражением подумала я. — Потом всей деревней будут шляться по лесу с факелами и криками, распугают всех духов, напрочь соьют магический баланс, а мне потом расхлебывать».

Это была не доброта. Это был трезвый, прагматичный расчет. Спокойствие моего леса было для меня важнее принципа невмешательства.

Я закрыла глаза, позволив слуху раствориться в лесной паутине звуков. Плач доносился с севера, из-за Заячьего ручья. Двое. Маленькие. Напуганы, но не ранены.

— Ладно, — проворчала я, выходя из дома. — Пора работать лесным гидом. Опять. Бесплатно.

Я не стала применять пространственные скачки — не хотела пугать их еще больше. Вместо этого я просто пошла, и лес сам подсказывал мне дорогу. Ветви расступались, кочки сглаживались, а тропинка, которую минуту назад не существовало, мягко вилась под моими ногами, ведущая точно к цели.

Я нашла их у подножия старого вяза. Двое ребятишек, лет пяти и семи, прижимались друг к другу, их лица были перепачканы слезами и грязью. Мальчик, тот, что постарше, пытался выглядеть храбрым, но его нижняя губа предательски подрагивала.

— Вот черт, — пробормотал он, увидев меня.

Я подняла бровь.

— Неплохое приветствие для той, кто пришла вытаскивать вас из этой чащи. Вы из Сосновки?

Дети кивнули, уставившись на меня широкими глазами. Я, должно быть, казалась им лесной диковинкой — высокая, странная женщина в простом, но явно не деревенском платье, с глазами, слишком зелеными и старыми для ее молодого лица.

— А... а вы ведьма? — прошептала младшая, девочка с двумя растрепанными косичками.

— Нет, милая, я знахарка. Ведьмы летают на метлах и крадут детей, а знахарки находят заблудившихся и выводят их домой. По-моему, очевидная разница.

Мальчик немного осмелел.

— А почему мы раньше вас не видели? Где ваш дом?

— Мой дом очень стеснительный, — ответила я, поворачиваясь и жестом предлагая им следовать за мной. — Он не любит, когда на него пялятся. Идемте, ваша мама, наверное, уже волосы на себе рвет.

Тропинка, которую я создавала, вела их самым простым и безопасным путем. Я незаметно направляла их взгляд от ядовитых ягод, а ветка, которая могла бы хлестнуть их по лицу,

мягко отводилась в сторону. Мы шли, и я разговаривала с ними — сухо, с легкой насмешкой, но без злобы. Рассказала, как отличить съедобный гриб от поганки по песне, которую напевает дождевой червь у его корней, и почему не стоит строить рожицы старым пням — они могут обидеться и подставить подножку.

Дети слушали, замороженные, их страх постепенно сменялся любопытством.

Когда сквозь деревья заблестели огни Сосновки, я остановилась.

— Дальше сами. Прямо по этой тропе. И в следующий раз, прежде чем бросаться в лес, как сумасшедшие зайцы, вспомните, что у меня планов на вечер куда больше, чем искать вас.

Они кивнули и, не сказав больше ни слова, бросились бежать к деревне. Я постояла еще мгновение, наблюдая, как они исчезают в сумерках. Где-то вдали донёсся облегченный крик женщины.

Уголок моего рта дрогнул. Глупая, бессмысленная сентиментальность. Но лес был спасен от вторжения паникующих деревенских.

Я повернулась, чтобы вернуться домой своим, коротким путем. Но прежде чем сделать шаг, я замерла. Где-то на краю восприятия, далеко и приглушенно, шевельнулось что-то новое. Острый, как отточенный клинок, след внимания. Чужого. Профессионального. Он был так далек, что почти неуловим, но его прикосновение к магии леса было безошибочным, как первый морозный узор на стекле.

Кто-то еще был в лесу. Кто-то, кто умел не шуметь.

«Настоящий охотник, — мелькнула у меня мысль, и в груди похолодело. — Или шпион».

Я сжала губы, глядя в сторону, откуда тянулся этот невидимый щуплющий щупалец. Сначала «ржавчина». Теперь это.

Мой релакс стремительно катился под откос.

— Ладно, — тихо прошептала я в наступающую ночь. — Похоже, игра начинается. Жаль, меня никто не спросил, хочу ли я в ней участвовать.

С этим я шагнула в складку пространства, оставив на опушке лишь шелест опавшего листа. У меня внезапно появились дела поважнее, чем варенье.

Глава 4

Прошло три дня. Три относительно спокойных дня, если не считать того, что я провела их в состоянии легкого, но постоянного напряжения. Тот острый, чужой след на краю моего восприятия больше не появлялся. Возможно, охотник или шпион, кто бы он ни был, ушел. Возможно, просто затаился получше. Я склонялась ко второму, но предпочитала делать вид, что верю в первое. Отрава позитивного мышления, знаете ли.

Я занималась привычными делами, пытаясь вернуть себе ощущение релакса. Перебирала гербарий, слушала, как дом поскрипывает балками, словно потягиваясь после сна, и даже попыталась сочинить язвительную балладу о достоинствах одиночества. Рифма не шла. Видимо, за два с лишним века поэтическое вдохновение ко мне так и не снизошло.

Именно в тот момент, когда я уже почти убедила себя, что могу расслабиться, я снова почувствовала его. Не того, не охотника. Другой, знакомый и уже порядком поднадоевший запах. «Железный» и «серный» шлейф Парадиза.

На этот раз он был ближе. Гораздо ближе. Где-то на болотах, у восточной границы моего леса.

Я замерла, чашка с чаем застыла в моей руке на полпути ко рту. *Опять? Неужели им мало одного разгромленного ящика?*

Гнев, холодный и острый, как ледяная сосулька, ткнулся мне под ребро. Но я подавила его. Моя первостепенная задача — покой. Мой покой. Если эти идиоты просто пройдут через болото, не трогая никого, я, возможно, великодушно позволю им уйти. Русалки сами разберутся с непрошеными гостями, а кикиморы отлично умеют прятаться.

Я поставила чашку. Спокойствие — не равно бездействию. Это равно контролю. А чтобы контролировать ситуацию, ее нужно видеть.

Сделав легкое движение рукой, я шагнула в сторону. Реальность вокруг меня задрожала, цвета потускнели и поплыли, звуки стали приглушенными, будто доносящимися из-под толстого слоя воды. Я оказалась в Подпространстве — тонком слое реальности, который был моей личной смотровой площадкой. Здесь я была тенью, эхом, невидимым свидетелем.

Болото предстало передо мной в призрачном, зеленоватом свете Подпространства. Воздух дрожал от искаженных криков и смеха. Их было пятеро. Люди в грубых, практичных одеждах, с нашивками Культа Единого на плечах. Их лица искажены не столько фанатизмом, сколько скучающей жестокостью. Они окружили невысокую фигуру, которая пыталась вырваться. Шелёпку.

Одна из кикимор, та самая, что три дня назад с таким восторгом таскала мой медный таз. Ее платице из мха было порвано, веточка с ягодами валялась в грязи, растоптанная сапогом.

— Давай, пляши, нечисть! — рычал один из них, тыча в нее горячей головней. От огня Шелёпка взвизгивала и жалалась, и ее тонкий, испуганный писк резал слух острее, чем любой магический крик. — Покажи, как ты соблазняешь праведных мужей в твоих гнилых топях!

— Ой, смотри, как боится! — хохотал другой, швырнув в нее комком грязи. — А ну-ка, расскажи, где тут твои сестрицы прячутся? Мы их всех к Единому призовем, очистим!

Я стояла в Подпространстве, и холод внутри меня нарастал, сковывая все, кроме мысли. Он был абсолютно ясной, отточенной, как лезвие. Эти люди не были похожи на тех, кто ставил ящики. Те были технарями, инженерами от зла. Эти... эти были палачами. Развлекались.

Я видела, как из-за коряг выглянули еще две пары черных-бусин глаз — Бульбочка и Цапка. Они были в ужасе, их тонкие ручки сжимались от страха.

Мой релакс умер. Тихо и бесславно, растоптанный грубыми сапогами в болотной грязи. На его месте родилось нечто иное. Не горячая ярость, а леденящая, абсолютная уверенность.

Они перешли черту. Не мою личную — какое мне, в сущности, дело до каких-то людей? Они осквернили баланс. Они причинили боль тем, кто был под моей защитой. Они нарушили мой покой.

Я вышла из Подпространства.

Оказалась я среди них не внезапно, нет. Я просто возникла из воздуха, как материализовавшаяся тень. Они заметили меня не сразу. Первым делом я посмотрела на Шелёпку.

— Иди к сестрам, — тихо сказала я. Мой голос прозвучал непривычно ровно, без единой нотки насмешки.

Кикиморы, не раздумывая, метнулись прочь и растворились в болотной мгле.

Люди из Парадиза замерли, разинув рты. Вид у меня, должно быть, был подходящий: высокая женщина в темном платье, с лицом, на котором не было ни страха, ни гнева, лишь ледяное, безразличное спокойствие. И зеленые глаза, которые видели их насквозь.

— Еще одна ведьма! — прохрипел тот, что с головней. — Вязать ее!

Он бросился ко мне. Я не шевельнулась. Я просто посмотрела на него. Не на него самого, а на молекулярные связи воды в его крови, на электрические импульсы в его нервной системе.

Он не упал. Он рухнул, как подкошенный, еще не успев сделать и двух шагов. Беззвучно. Его товарищи застыли в оцепенении.

— Колдовство! — завопил другой, хватаясь за амулет на груди.

Я перевела на него взгляд. И на следующего. И на того, что стоял сзади, пытаюсь достать свиток с заклатьем.

Один за другим они падали на колени, а затем и вовсе на влажную землю. Не в смертельных конвульсиях. Просто в глубоком, беспробудном сне. Я не убивала их. Мертвые не учатся на своих ошибках. А еще они привлекают внимание начальства и вызывают ненужные вопросы.

Тишина. Лишь бульканье болота да прерывистое дыхание последнего, самого молодого из них. Он смотрел на меня с животным ужасом.

— П-пощади... — прошептал он.

— Я и так пощадила, — ответила я тем же ровным, холодным тоном. — Ваша смерть была бы слишком шумной и испортила бы воду.

Я повернулась спиной к этой груде тел, больше не глядя на них. Из темной воды тихо показались бледные лица с длинными влажными волосами. Русалки. Они смотрели на меня, потом на бесчувственных солдат. В их глазах читалось понимание и... одобрение.

— Забирайте, — сказала я им. — На дно. Пока они не просочатся в ваши озера.

Русалки беззвучно скользнули на берег. Их скользкие руки ухватили людей и потащили в темную воду. Через мгновение на поверхности не осталось ничего, кроме медленно расходящихся кругов.

Я стояла одна посреди болота, пахнувшего теперь не только тиной, но и страхом и рвотой. «Ржавый» привкус наконец исчез, вытесненный чем-то более тяжелым и горьким.

Я понимала, что только что подписала себе приговор. Пропавший патруль — это не то же самое, что уничтоженный бездушный механизм. За этим придут. И придут не с инженерами, а с инквизиторами.

«Прекрасно, — подумала я, глядя на пустое болото. — Теперь у меня настоящая война на пороге. И все из-за нескольких болотных ягод».

Но, странное дело, я не чувствовала ни раздражения, ни усталости. Лишь холодную, уверенную ясность. Релакс окончен.

Глава 5

Я вернулась домой, и дом встретил меня тревожным гулом. Стены вибрировали, словно отзвучавший натянутый нерв. Он чувствовал остатки магии, что струились с меня ледяным потоком, и запах чужих страхов, въевшийся в подол.

— Успокойся, — пробормотала я, проводя ладонью по косяку двери. — Все кончено.

Но это была ложь, и мы оба это знали.

Я прошла в глубь жилища, к своей кладовой с травами. Руки сами потянулись к знакомым склянкам — валериана, мята, лаванда. Все, что могло хоть как-то сгладить острые края случившегося. Но я остановилась. Зачем? Чтобы успокоиться? Я и так была спокойна. Слишком спокойна. Такое ощущение, будто все эмоции во мне заморозились в тот момент, когда я смотрела на падающих замертво солдат.

Вместо успокоительного я взяла бренди. Прямой, крепкий, без всяких там травяных примесей. Налила в простой глиняный кубок и выпила залпом. Жидкость обожгла горло, но не смогла растопить лед внутри.

«Идиоты, — беззвучно прошептала я, глядя в темное окно, в котором отражалось мое бледное лицо. — Самодовольные, ограниченные идиоты. Не могли просто пройти мимо».

Но они не могли. В этом и была их суть. Увидеть непохожее — и уничтожить. Сжечь. Растоптать. Их вера была костром, который требовал постоянной подпитки из чужих страданий.

Я чувствовала на себе взгляд. Не чужой, не шпиона. Взгляд Шелёпки, Бульбочки и Цапки. Они стояли на пороге, залитом лунным светом, и смотрели на меня. Их бусинки-глаза были полны странной смеси страха, благодарности и чего-то еще... пиетета. Им было страшно не только от людей, но и от меня. От той легкости, с которой я обратила пятерых вооруженных мужчин в куклы с перерезанными ниточками.

— Эви... — прошептала Шелёпка. — Они... они больше не придут?

— Нет, — ответила я, отворачиваясь от окна. — Не эти.

— А... другие?

Я снова подошла к бутылке с бренди. Налила еще. На этот раз не стала пить, просто смотрела, как огонь в камине играет в золотистой жидкости.

— Возможно, — сказала я наконец. — Но пусть попробуют.

В голосе моем прозвучала та самая сталь, что заставила кикимор встрепенуться. Они переглянулись, и страх в их глазах постепенно сменился чем-то вроде мрачного удовлетворения.

— Мы... мы будем следить, — вызвалась Бульбочка. — Если кто чужой с железным запахом — мы сразу к тебе!

— Хорошо, — кивнула я. — Теперь идите. И... берегите свои ягоды.

Они ушли, оставив меня наедине с домом, бренди и нарастающим осознанием последствий. Я не сомневалась, что в Парадизе скоро заметят пропажу разведчиков. И в отличие от прошлого раза, когда исчез лишь бездушный механизм, теперь они пришлют кого-то поумнее. Кого-то, кто умеет задавать вопросы. Искать следы. Читать историю места.

Я подошла к книжной полке и провела пальцами по корешкам старых фолиантов. Знания предков шептались во мне, предлагая решения. Укрепить периметр. Создать иллюзорные ловушки. Уйти вглубь Подпространства на время. Но все это было бегством. А я не собиралась бежать из собственного дома.

Я допила бренди и поставила кубок на стол. Звук получился твердым, финальным.

Релакс был не просто окончен. Он был похоронен под слоем болотной грязи. Начиналось нечто иное. Что-то, к чему я не стремилась, но что приняла с холодной готовностью.

Пусть приходят. Пусть ищут. Они найдут не уютное убежище затворницы. Они найдут Хозяйку Леса. И, возможно, это станет их последним открытием.

Глава 6

Следующие несколько дней прошли в странном, зыбком затишье. Лес замер в ожидании, а я — вместе с ним. Я не пыталась вернуться к прежнему ритму — это было бы самообманом. Вместо этого я занялась инвентаризацией. Не трав и зелий, а кое-чего посерьезнее.

Запертая в подвале, куда даже дом ступал с опаской, стояла бабушкина шкатулка. Вернее, не шкатулка, а нечто среднее между сейфом и живым существом, вырезанное из корня древнего дуба. Оно дышало, и чтобы открыть его, нужно было не подобрать ключ, а пропеть правильную ноту в его древесное ухо.

— Проснись, старина, — пробормотала я, проводя рукой по шершавой поверхности. — Пора проветрить старый арсенал.

Шкатулка издала глубокий, дребезжащий вздох и медленно раскрылась. Внутри лежало не оружие в привычном понимании. Не мечи и не посохи. Здесь хранились зачарованные нити, способные сплести паутину иллюзий, гуще любой стены. Камни, впитывавшие солнечный свет, чтобы в нужный момент ослепить врага вспышкой. Зеркальце, показывавшее не отражение, а самые глубокие страхи смотрящего.

Я перебирала эти безделушки, каждая из которых была опаснее полка солдат. Опыт предков шептал, что скоро они могут пригодиться. Но что-то внутри меня сопротивлялось. Это было бы признанием. Признанием того, что мое уединение кончилось. Что я снова в игре.

Я захлопнула шкатулку с таким раздражением, что та фыркнула и на секунду приоткрылась, плюнув в меня горстью пыли.

— Ну и ладно, — проворчала я, отряхиваясь. — Пока обойдемся без театральных эффектов.

Но бездействовать тоже было нельзя. Я усилила «нежелание» дома быть найденным. Теперь тропы, ведущие сюда, не просто извивались — они закручивались в петли времени, возвращая путника к началу пути после нескольких часов блужданий. Дубовый частокол начал излучать легкое, почти незаметное головокружение для любого, кто осмелится подойти слишком близко.

Именно во время одной из таких проверок границ я и почувствовала нечто новое. Не «железный» след Парадиза и не острое лезвие внимания того самого шпиона. Нечто масштабное. Тяжелое. Как будто в сердце королевства кто-то вбил гигантский гвоздь из тлена.

Я остановилась, прислонившись ладонью к стволу березы, позволив лесу рассказать мне, что происходит. И лес ответил. Шепотом листьев, дрожью земли под корнями, паникой мелких духов, бегущих с востока.

Люди Парадиза не просто шли. Они готовили что-то. Что-то большое. Они копались в земле у старой королевской дороги, ставили какие-то камни с рунами, натягивали невидимые нити магии. И цель их была не в моем лесу. Нет. Их цель была в засаде. Они готовили ловушку для кого-то важного. Для делегации.

Мысль пронеслась мгновенно, собранная из обрывков шепотов: послы из Садириз должны были проезжать по этой дороге через три дня с визитом в столицу нейтрального королевства. Мирный визит. Переговоры о торговле, о технологии. Все, что ненавистно Парадизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.